

ЯСЕН ЗАСУРСКИЙ: ТОРЖЕСТВО САМОЦЕНЗУРЫ*

YASSEN ZASURSKY: SELF-CENSORSHIP CELEBRATION

Ясен Николаевич Засурский

Президент факультета журналистики,
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, г. Москва, ул. Моховая, 9

Yassen Nikolaevich Zasursky

President of the Faculty of Journalism, Dr. philological sciences,
professor of The Moscow State University,
125009, Moscow, Mohovaya st., 9

Прошедшие события показали, что СМИ играют ключевую роль в российской политике: одни — путем информирования, другие — путем замалчивания. С вопросами о состоянии дел в российских СМИ «АН» обратились к патриарху журналистики — президенту журфака МГУ Ясену Засурскому, занимавшему пост декана с 1965 по 2007 г.

ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ

— **Ясен Николаевич, что скажете об этом замалчивании?**

— Обычная практика нашего телевидения. Показывают только то, что выгодно.

— **Можно ли после этого назвать телевидение профессиональным?**

— Я бы назвал это профессиональным уклонением от своих обязанностей. Конечно же, телеканалы еще больше потеряют доверие. В своей работе они постоянно консультируются с государственными руководителями разных уровней. Телевидение считает, что обслуживает интересы государства, хотя странно их понимает. Скорее это интересы правящей партии. То есть тележурналисты вернулись к партийному контролю. Хорошо, что хотя бы во

время выборов появляются какие-то дискуссии. Они не столь острые, как в США, Германии или даже Польше. Но хоть что-то. Я лично очень доволен тем, что в эфир попало сообщение о мальчике, который выступил против агитации «Единой России» в школе.

— **Известно, что «Нереальную политику» на НТВ закрыли после того, как Вы с вашей студенткой обсудили в программе визит Медведева на журфак, в ходе которого охрана президента задерживала студентов.**

— Закрытие «Нереальной политики» — просто безобразие. Этот выпуск можно посмотреть в Интернете: в нашей беседе не было ничего «такого». Мы мирно разговаривали. Тина Канделаки старалась помочь на-

* Опубликовано в газете «Аргументы недели» 15 декабря 2011 г., № 49. Перепечатано с разрешения редакции «АН».

шей студентке найти темы для материалов. Все было направлено на то, чтобы исчерпать эту скандальную ситуацию. Если уж даже такую программу закрывают... Тина и Андрей (Колесников. — «АН») — блестящие журналисты. Они умеют даже о Путине рассказать так, что это звучит интересно и не серо. Я не могу предположить, какой логикой руководствовались те, кто пожелал закрытия передачи. Мы вернулись к тем временам, когда в агитпропе работали не очень умелые люди. Я допускаю, что такие вещи делают по прямым поручениям из аппаратов президента или премьера.

— Тоскуете по временам двадцатилетней давности?

— Такое замечательное время для журналистики, как начало девяностых, нескоро наступит. В чем-то это было утопическое время, золотой век. Газеты и телеканалы перешли из рук партии в руки журналистов. Журналисты могли писать абсолютно все, что считали нужным. Но это продолжалось недолго — по экономическим прежде всего причинам. Будучи независимы от влияния государства, газеты по-прежнему издавались на государственные деньги и потому еще не ощутили на себе всю сложность рыночной экономики. Когда это золотое время кончилось и журналисты оказались в свободном плавании, им пришлось искать финансовую поддержку — у банков, у крупных корпораций. Пресса стала оказывать им ответную поддержку. С тех пор приходится говорить о том, что журналисты обслуживают интересы олигархов и недостаточно защищают необходимость социальной политики. К сожалению, рекламы до сих пор слишком мало для поддержания жизни газет, а тогда ее было еще меньше. В этих условиях журналистика оказалась под контролем

крупного бизнеса и, как следствие, органов власти, поскольку крупный капитал тесно сотрудничает с властью. Телевизионная реклама исчисляется миллиардами долларов, поэтому телевидение могло бы быть независимым, но оно подвергается воздействию государства в первую очередь. И немудрено: телевидение видит вся страна, а газеты, даже федеральные, — нет. В том числе и вашу. В России нет ни одной газеты, тираж которой в одном городе был бы свыше двух миллионов.

НАДЕЖДА — НА ПРЕССУ

— Выходит, журналисты отдали свободу?

— Сдерживающее влияние государства дает о себе знать. Журналистика во многом утратила культуру аналитического подхода к событиям в стране. Таких газет осталось очень мало. Государство использует разные способы ограничения доступа к информации. Газеты не получают информацию оперативно и не всегда к этому стремятся. После выборов 1996 г. и особенно после отставки Бориса Ельцина положение прессы становится хуже и хуже — критические элементы все больше снижаются. И это, конечно, ей не к лицу. Ведь люди по-прежнему ждут от прессы, чтобы она была гарантом правдивой информации. Именно в этом смысле ее понимают как четвертую власть: если все три власти что-то утаят, то четвертая — расскажет.

Справедливости ради надо отметить, что газеты так или иначе по-прежнему выполняют эту функцию. Критика — по большей части в газетах. В телесетке найти критику крайне трудно. Кстати, когда люди говорят, что не смотрят телевизор, имеются в виду в первую очередь не сериалы, не развлекательные программы, а новостные — у них самый

низкий рейтинг. Впрочем, у прессы тоже есть существенная болезнь: наши газеты не охватывают весь спектр событий. Если вы хотите узнать, что происходит в мире, то нашу прессу читать бесполезно. Только что были выборы в Латвии — газетам это неинтересно, хотя, казалось бы, Латвия находится так близко. Да, освещается мировой кризис, но недостаточно проясняется, как он влияет на положение дел в России.

Пресса не прописывает в достаточной степени даже механизм формирования цены на нефть. Не все, например, знают, что важную роль в этом процессе играет Китай: когда он начинает свои строительные проекты, увеличивается спрос на сырье. В этом смысле лучше газет работают профильные журналы. У экономических журналов постепенно растут тиражи. Но им все равно далеко до Financial Times, который читают во всем мире. Качественная пресса в России, увы, развивается недостаточно.

— **Говорят, ей мешает Интернет.**

— Это неправда, Интернет ничему не мешает. Его ниша — быстрота, на аналитике он не специализируется. Так что по-прежнему вся надежда — на прессу. В ней есть журналисты, которые понимают, что происходит, и могут об этом толково рассказать. Хорошо, что пресса продолжает иметь вес в обществе и что люди могут получать информацию не только в контексте сегодняшнего дня, но и на перспективу.

— **Когда я поступил на журфак в 2001 г., модной темой студенческих работ был «захват» оппозиционного НТВ...**

— Конечно, приходится сожалеть, что такого телевидения с тех пор не было и нет. Гусинский влиял на политику НТВ, так же как Березовский — на политику ОРТ. Разница заключалась в том, что через Березов-

ского государство могло влиять на телевидение, а через Гусинского — нет. Журналистов, которые после работы на оппозиционном НТВ стали работать на правительственных каналах, трудно заподозрить в искренности. У них острый глаз — они все видят, все понимают. Получается, они наступают на горло собственной песне, как говорил Маяковский. Ради чего? Трудно сказать. В телевидении огромное значение имеют престиж и прочие внешние факторы. За ними уже не видно высоких целей, как за деревьями не видно леса.

— **Как Вы относитесь к политическому юмору на телевидении? «Мультичности», «Прожекторперисхилтон», где в общем-то умные люди изображают шутов с бубенцами...**

— Бр-р-р. Это вредит как политике, так и журналистике. Настоящая политическая передача — это «НТВшники». Острая, живая программа. Она сохраняет лучшие традиции старого НТВ, которых, увы, так мало в других передачах этого канала. Там в основном теперь кровь, слезы и пошлость. А шоу «НТВшники» затрагивает существенные вопросы.

СТАРШИЙ ПРОФЕССОР

— **С чем Вы связываете снижение литературности журналистики? Есть ли сейчас авторы уровня Аграновского, Щекочихина, Рубинова?**

— Я бы сказал, что это общая проблема: падение уровня грамотности, школы, той речи, которую мы слышим с экранов телевизоров. Сыграл свою негативную роль Интернет, где люди общаются через пень-колоду. Тем не менее литературный язык остается. Тот же Колесников приближается к уровню авторов, которых вы назвали. Еще я бы выделил Михаила Ростовского и Юлию Калинину.

— После ухода с поста декана Вы занимаете уникальную должность — президент факультета. Ее ввели специально для вас? Почему вы не остались просто профессором?

— Эту должность мне предложил ректор. Она позволяет использовать мой опыт в управлении факультетом, сохранять традиции. Никаких особых полномочий, кроме участия в заседаниях совета, она мне не дает. Но я могу оказывать поддержку более молодым сотрудникам в их руководящей деятельности.

— В Вашу бытность деканом журфак часто критиковали за мягкость порядков. Некоторые студенты имели хвосты с прошлых или даже позапрошлых курсов.

— Это была целенаправленная политика. Я считаю, что работа с молодыми журналистами очень сложна. И сразу не определишь, чего каждый из них может добиться. Гиб-

кая политика позволила не вылететь с факультета многим талантливым журналистам. Будучи творческими людьми, они нуждаются в мягком подходе. Жаль, что министерство не одобряет свободные посещения.

Конечно, лекции — это хорошо. Я сам лектор. Но я понимаю, что есть Интернет, где море информации. Практика свободных посещений больше соответствует реалиям. Высшее образование должно давать студентам возможность использовать их дорогое время с максимальной пользой. Кстати, вспомним эксперимент, который мы проводили на факультете несколько лет. Сократив пару до астрономического часа, мы добились большей посещаемости. В Америке многие университеты переходят на часовые занятия. Увы, эту меру мне отстоять не удалось.

*Беседовал
Сергей Рязанов*